

ЛЮДМИЛА КОТЛЯР

ИВАН БУНИН И ФАШИЗМ

После присуждения Нобелевской премии по литературе в 1933 г. И. А. Бунин получил приглашение посетить ряд стран и выезжает в Бельгию, Италию, Германию, Англию, где встречает теплый прием и выступает с чтением своих произведений.

В 1936 г. И. А. Бунин выезжает в Чехословакию, затем — в Германию, где ему необходимо было встретиться с издателями и обговорить вопросы очередного выпуска его произведений. На границе его задержали, раздели донага и подвергли унижительной процедуре — искали бриллианты.

«Бунин вернулся во Францию с температурой, взбешенный и навсегда излеченный от Германии», — пишет поэтесса Г. Кузнецова, которая жила у Буниных. (А. Седых. «Далекие, близкие», стр. 208).

Бунин на себе испытал произвол таможенных чиновников-фашистов. Писатель, собиравшийся посетить Швейцарию, Италию, больной, в состоянии крайнего раздражения, вернулся в Париж и опубликовал 1 ноября 1936 года в газете «Последние новости» открытое письмо.

«Господин редактор! Во избежание неверных слухов, уже распространяющихся в Париже о том, что случилось со мной в Немецком пограничном с Швейцарией городе Линдау, и о моей болезни, явившейся последствием этого случая, позвольте изложить на столбцах Вашей газеты, что именно со мной было.

Три недели тому назад я выехал из Парижа с туристическими целями и для свиданий с моими немецкими, чешскими и итальянскими издателями и переводчиками по маршруту Париж—Лейпциг—Берлин—Прага—Мюнхен—Женева—Рим—Париж, купив в парижском агентстве Кука круговой билет 1 класса и два аккредитива — на Германию и на Италию.

Я пробыл неделю в Германии, затем пять дней в Праге, где 23 октября публично читал свои художественные произведения, и снова поехал по Германии, направляясь в Швейцарию, ночевал по пути в Мюнхене и Нюрнберге и вечером 26 октября прибыл в Линдау, где снова должен был ночевать, т. к. пароход, перевозящий путешественников по Боденскому озеру из Линдау в Романсгорн, в Швейцарию, отходил только на другой день в полдень. Переночевав в отеле «Seegarlen», я явился в 11 часов утра в немецкую таможенную, находящуюся у самой пароходной пристани. Там я предъявил надлежащим властям все, что полагается: свой эмигрантский паспорт, аккредитивы (из которых в немецком остался только один чек на 50 марок), те бумажные доллары, которые были со мной и любое количество которых я имел законное право ввозить и вывозить из Германии, и оставшиеся в моем кошельке 20 бумажных немецких марок с медной мелочью.

Посмотрев все это, власти дали мне вместо бумажки в 20 марок соответствующую сумму серебром, а паспорт куда-то унесли и не возвращали с полчаса. Когда же, наконец, возвратили, то скомандовали:

— Следуйте за этим господином!

Этот «господин» был довольно молодой человек преступного типа в потертой штатской одежде, он быстро схватил меня за рукав и повел куда-то по каменному сараю таможни, где всюду дул в раскрытые двери ледяной ветер дождливого дня, привел в какую-то каменную камеру и молча стал срывать с меня пальто, пиджак, жилет... От потрясающего изумления, — что такое! за что! почему! от чувства такого оскорбления, которого я не переживал еще никогда в жизни, от негодования и гнева я был близок не только к обмороку, но и к смерти от разрыва сердца; протестовал, не зная немецкого языка, только

вопросительными восклицаниями — «что это значит! на основании чего!» — а «господин» молча, злобно, с крайней грубостью продолжал раздевать, разувать и обшаривать меня. Я стоял перед ним раздетый, разутый — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь ледяного сквозняка, а он залезал пальцами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался отрывать даже подошвы моих ботинок...

Через четверть часа, не найдя на мне, разумеется, ровно ничего преступного, он вывел меня назад. Пароход в эту минуту уже отходил, но мне очень насмешливо сказали: «Ничего, есть еще вечерний пароход!», — и отправили меня с конвоем и тележкой, на которой вез мои вещи таможенный служащий, в какое-то огромное здание, — вероятно, арестный дом, ибо я видел в его коридорах множество дверей с номерами на них.

Как рассказать дальнейшее! Мне казалось, что я в сумасшедшем доме, что это какой-то кошмар. Меня вели долго, через весь город под проливным дождем: когда же привели, ровно три часа осматривали каждую малейшую вещицу в моих чемоданах и в моем портфеле, с такой жадностью, точно я был пойманный убийца, и все время осыпали меня кричащими вопросами, хотя я уже сто раз заявлял, что не говорю и почти ничего не понимаю по-немецки. Каждый мой носовой платок, каждый мой носок был исследован и на ощупь и даже на свет, каждая бумажка, каждое письмо, каждая визитная карточка, каждая страница моих рукописей и книг, находившихся в моем портфеле, — все вызывало крик.

— Что это такое! Что здесь написано! Кем! И кто тот, кто это писал! Большевик! Большевик!

Некоторые письма и моя записная книжка с адресами были отложены в сторону, куда-то унесены и возвращены мне только в последнюю минуту.

Я пишу книгу о Толстом. В моем портфеле было несколько книг о нем: при

виде его портретов в этих книгах, плевали и топали ногами: «А, Толстой! Толстой!»

К четырем часам явилась какая-то довольно красивая дама с прозрачными, сверлящими и переливающимися глазами, сказала, что она говорит по-французски и потому «случайно» приглашена немцами помочь им в допросе меня, быстро потребовала, чтобы я, не думая ни секунды, написал — «вот на этой бумажке» названия моих произведений в доказательство того, что я действительно писатель, быстро сказала, что кому-то известно, что я провел ночь в Линдау с одной женщиной и что я должен назвать имя этой женщины, задала мне еще два-три бесстыдных и нелепых вопроса и вдруг после моего негодующего восклицания в ответ на все это, заявила, что я свободен.

Приехав ночью в Цюрих, я не спал до утра, — меня так простудил раздевавший меня «господин», что у меня уже был кашель и жар: 38,5. Приехав в Женеву, я почувствовал себя совсем больным и, махнув рукой на продолжение своего путешествия, решил возвратиться в Париж.

То, что таможенные и полицейские власти в Линдау не придали никакого значения ни моему возрасту, ни моему званию писателя. Почетного Академика и Нобелевского лауреата, я в какой-то мере понимаю: они не обязаны ни с чем считаться, поймав преступника. Но какие были у них хоть малейшие основания заподозрить, что я преступник, и чуть не целый день так жестоко, грубо и бессмысленно издеваться надо мной!

Примите, господни редактор, уверение в моем совершенном почтении:

Ив. Бунин.

Париж, 31.X.36 г.»

(«Последние новости». Париж, 1 ноября 1936. № 5700).

Это сообщение вызвало негодующий протест общественности. Газеты Парижа, Лондона, Праги, Стокгольма, Нью-Йорка с возмущением писали о том, что «русского академика,

Нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам».

(«Последние новости», Париж, 11 ноября 1936 г.).

Отклики печати на это письмо заставили ДНБ (официальное германское агентство) объяснить этот инцидент: «Соответствует действительности лишь то, что русский эмигрант Бунин, пробывший в Линдау 26 и 17 октября, был подвергнут валютному контролю в момент его въезда на германскую территорию из Швейцарии. Контроль носил чрезвычайно вежливую форму, и г. Бунин не подвергался ни плохому обращению, ни аресту».

(газ. «Последние новости», 5 ноября 1936 г.).

Подобный ответ не удивил Бунина: иного он и не ожидал после того, что видел в Германии. По свидетельству К.Корсакаса, в 1938 году, будучи в Каунасе, Букин с откровенной враждебностью говорил о фашистском режиме, о том, как во время поездки по Италии его всюду сопровождали фашистские охранники, которые так надоели ему, что он вынужден был телеграммой просить Муссолини избавить его от них». («Сов. Литва». Альманах, 1963, стр. 156.)

И. А. Бунин, очень тронутый сочувственными откликами печати самых разных направлений, написал второе открытое письмо, которое было опубликовано в газете «Последние новости» 27 ноября 1936 г.:

«Господин редактор!

Позвольте при посредстве Вашей газеты закончить мою историю в Линдау моей глубокой благодарностью всем тем общественным организациям, редакциям газет и частным лицам, которые выразили мне свои чувства в связи с этой историей. Я был в отъезде, и потому только теперь ознакомился полностью со всем, что явилось откликом на нее. Отклик этот оказался столь горяч и единодушен в своем сочувствии мне в возмущении той грубостью, что я без малейшего основания был подвергнут в

Линдау, и, смею сказать, столь всемирно широк, что вдвойне обязывает меня обратиться к Вам с этим письмом, ибо касается не только лично меня, как честного человека. Он служит, кроме того, и достойным ответом на германское официальное опровержение по этому случаю: ведь опровержение это, адресованное «некоторым иностранным газетам», будто бы оклеветавшим в своих «заметках» полицейские и таможенные власти в Линдау, имело в себе тот внутренний смысл, что в этой «клевете» повинен я. Как иначе понять его, раз все эти «заметки» явились только следствием протокольного и точного рассказа моего насчет Ликдау, который я дал в Вашей газете 1 ноября и который не мог не быть известен берлинским авторам опровержения!

Примите, господин редактор, уверение в моем совершенном почтении.

Ив. Бунин».

(газ. «Последние новости», 1936. 27 ноября).

Международное положение очень тревожило писателя. Заигрывание фашистской Германии с Италией, а позднее — их союз, подавление сопротивления в Испании создавали тревожную атмосферу. Близились война, и Бунин понимал это. Лихорадочно читал он газеты, массу газет. Захват Польши и объявление правительством Англии войны Германии писатель воспринял как катастрофу. Франция также готовилась к войне.

В тревожное лето 1939 года Бунин после двадцатилетнего молчания посылает на родину, писателю А. Н. Толстому открытку, всего два слова: «Хочу домой», — и подпись.

14 июня немцы ворвались в Париж. Оттуда бежали все, кто мог уехать. Многие русские влились в движение Сопротивления, получили французские ордена, погибли в застенках Бухенвальда. 3 июля 1940 г. Бунины уехали на юг Франции, в Грасс — в свободную зону. С возмущением писатель отзывался о предателях,

которые пошли к немцам, говорил о потере чести. После войны он не подал 3. Гиппиус руки, т. к. она «служила» в немецкой газете.

Потрясло Бунина известке о вторжении немцев на русскую землю. Он пишет письма, очень смелые по тем временам, в которых с негодованием отзывается о фашистах, о безобразиях и зверствах, творимых ими на русской территории, с болью говорит о поругании русских святынь, выражает уверенность в победе русского народа. «Россия была, есть и будет», — говорил Бунин и раньше. Сейчас он в этом был уверен как никогда. Бунин рассказывал В. Антонову, побывавшему у него: «Когда мы жили в Грассе, мне как-то попался в руки номер германского пропагандистского журнала «Сигнал» на французском языке. На обложке журнала была помещена цветная фотография: фашистский патруль с пулеметами и противогазами на одной из колоколен Киево-Печерской лавры... Позвольте!.. Какое дело Гитлеру до России и до русских порядков, какие бы они ни были! Киев — наша величайшая святыня, мать городов русских, и вдруг — немцы... При чем здесь немцы, ни один сукин сын, к какой бы нации он ни принадлежал, не имеет права совать свой нос в русские дела! Дальше я смотреть не стал и разорвал на мелкие клочки этот паскудный журнал, послав его к чертовой бабушке!» («Иностранная литература», 1956 г., № 9).

Начался голод. Денег у Буниных совсем не было, печататься было негде. Своему другу по «Средам» Н. Д. Телешову Бунин пишет: «А мы сидим в Грассе (это возле Канн), где провели 17 лет, чередуя его с Парижем. Теперь сидим очень плохо.

Был я богат, а теперь волей судеб вдруг стал нищ, как Иов. Был «знаменит на вес мир», теперь никому в мире не нужен, не до меня миру! В. Н. (жена, Вера Николаевна) очень болезненна, чему помогает и то, что мы весьма голодны. Я пока пишу, написал книгу новых рассказов, но куда ее теперь девать... Я сед, сух, но еще ядовит. Очень хочу

домой» (Письмо 8.V-40 г. аНовый мир», 1956 г., № 10, стр. 210].

А зимой 1942 года Бунин жаловался А. Седых: «Плохо мы живем в Грассе, очень плохо. Ну, картошку мерзлую едим, или водичку, в которой плавают что-то мерзкое, морковка какая-нибудь. Это называется супом. Живем мы коммуной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой, — деньги Нобелевской премии давно уже прожиты. Один вот приехал погостить денька на два. Было это три года тому назад. С тех пор вот и живет, гостит. Да и уехать ему, по правде говоря, некуда: еврей. Хорошо, что еще живу изолированно, на горе... Но холодно, невыносимо холодно. Если бы и хотел писать, то и тогда не мог бы, от холода руки не движутся!».

12 марта 1943 года Бунин пишет писателю Б. Роцину: «Вы меня действительно тронули своей карточкой и посылкой, в которой оказались вещи, давно мной забытые, потрясающе вкусные...

...Что до нашей жизни, то Вы ее, думаю, в общем представляете... «мучительный зимний холод, презренное, тошнотворное, архинищенское питание — на худобу В(еры) Н(иколаевны) страшно смотреть, да и я просто стыжусь смотреть на себя, раздеваясь, а к этому надо прибавить, что здоровье мое очень и очень пошатнулось — укатали сивку крутые горки — и в прямом и переносном смысле, — про нищету же и говорить нечего, выбиваюсь из последних сил...» («Новый мир», 1956 г., № 7, стр. 211).

За время оккупации Франции немцами И. А. Бунин не напечатал ни одной строчки. Он считал для себя, как русского, неприемлемым, бесчестным сотрудничать в каком-либо печатном органе, как он писал, «под проклятым немецким игом», у фашистов, которые напали на его родину. («Исторический архив», 1962, № 2, стр. 164).

Ему предлагали сотрудничать в газетах и журналах, сулили золотые горы, т. к. привлечь крупного писателя, Нобелевского лауреата к изданию

прогерманских газет было заманчиво, но Бунин резко, категорически отвергал все их предложения, предпочитая голод и нищету продаже совести.

Писатель Л. Зуров пишет: «Из Швейцарии предлагали сотрудничать в издававшихся в оккупированных землях газетах и журналах, но он отказался. Был прислан потом к нам из гор. Канны человек. Мы думали, что это очередной гость, но он предложил И. А. и мне сотрудничать в журналах и газетах. Мы отказались». («Исторический архив», 1962, MS 2, изд. АН СССР, стр. 157).

В Москве же знающие резкий характер Бунина думали, что он погиб. Получив весточку от Ивана Алексеевича: «Мы пять лет просидели в Грассе, пережили много всяких лишений, были под властью то итальянцев, то немцев (гестапо которых долго разыскивало меня)», Н. Д. Телешев с радостью отвечает ему в ноябре — декабре 1945 года: «Пошли слухи, что ты резко отказавшись от предложенного выступления, был арестован фашистами и замучен в их застенках. Все это было достаточно правдоподобно в те ужасные годы... Ничего, по народной примете, это означает долгую жизнь».

Наконец, юг Франции был освобожден от немцев. Бунин с радостью сообщает об этом Б. Рошину: «Из Грасса немцы бежали, слава богу, без драки в ночь с 23 на 24, а на рассвете 24 к нам уже вошли американцы — что было в городе и у нас на душе, описать невозможно!» (ЦГАЛИ, ф. 2204, оп. 1, ед. хр. 149).

И еще большую радость Бунина вызвало известие о победе над фашистской Германией. В одной из парижских газет Бунин писал: «Горячо радуясь победам России и союзников». (Собр. соч. в 5 томах, стр. 4).

Писатель был кристально честен, принципиален, он не терпел компромиссов и никогда не отступал от своих убеждений. Бунин до конца своих дней горячо любил Родину, страдая на чужбине и до боли, до слез по русским полям, по родному небу.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой,
наемный

дом

С своей уж ветхою котомкой.

«Разве можем мы забыть Родину! — говорил Бунин, — может человек забыть Родину? Она — в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает».

(газ. «Последние новости». Париж, 11 ноября 1933 г.)

«Почему меня, русского человека, судьба вдруг связывает с каким-то далеким и чуждым мне городом на юге Франции! Осмотришься иногда кругом — просто жутко становится: неужели же вот тут и обосноваться навсегда... Ну, и гонишь от себя эту мысль, заставляешь себя в нее не верить».

(Саккар. «Полчаса с Буниным». Журнал «Иллюстрированная жизнь», Париж, 1934, № 11).

«Если бы я эту Русь не любил, не видел, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто», — писал он.

(И. Бунин. Собрание соч. Изд. «Петрополис». Берлин. 1934—1936. т. X, стр. 94).

Но Родины Бунин так и не увидел. Он умер во Франции 8 ноября 1953 года.

На 2-м съезде советских писателей слова К. Федина, что Бунин «должен быть возвращен русской литературе», были встречены овацией.

Советский народ по достоинству оценил творчество писателя. Свидетельством тому — многочисленные издания его произведений.